

Свт. Иннокентий Херсонский.

Оглавление

Мысли о бессмертии.....	1
Заметки.....	7

Мысли о бессмертии

1.

1. Если человек не бессмертен, то на театре мира нет постоянного зрителя. Кто же оценит достоинство того, что на нем происходит? Надобно кому-нибудь быть на земле бессмертным.

2. Истина бессмертия не противоречит ни одной истине: многие, напротив, связаны с нею неразрывно, стоят и падают вместе с нею. Весь порядок нравственный таков именно: нет бессмертия, нет и его.

3. Может ли быть человек честен и добр, без бессмертия?.. Может, по причине доброты природной, привычки, недостатков искушения сильного, и прочего. Но обязан ли быть?.. Очевидно, нет. Ибо, чтобы быть добрым положительно, в нашем мире надобно жертвовать многим, иногда - даже жизнью. Что же может наградить его за жизнь, если нет бессмертия?.. Тогда закон самосохранения есть высший из всех законов.

4. Коль скоро есть Бог, то трудно не быть бессмертию души. Посему-то отвергающие последнее отвергают и первое.

5. Главное дело в том, есть ли чему не разрушиться со смертью, и пережить разрушение тела? А это зависит от того, отлична ли душа от тела? Два ли в нас разных начала жизни, и так ли отличны, что одно, духовное, может быть без другого, телесного?

Есть. Доказательство - жизнь; тут начала эти доходят даже до борьбы, -одно может жертвовать другим, и осуждать его на смерть.

В смерти - физика уже разрушается, а душа цела. Не от разности ли это?

6. Мы не можем представить душу материальной, не можем представить, как она может разрушаться, тлеть. Мысль нетленна, а душа есть мысль; желание нетленно, а душа есть желание; воля нетленна, а душа есть воля; вообще, сознание нетленно, а душа есть сознание. Все, что мы можем представить в сем отношении, состоит в том, что сознание может померкнуть, престать, как бывает во сне. Но самый же сон, показывая возможность прекратиться сознанию, обнаруживает, что, прекращаясь, оно чрез то не теряется; пробуждаясь, мы всегда находим его опять нерушимым.

7. В теле ли условие сознания?.. Теперь - в известном состоянии тела; но всегда ли так? Не может ли быть сознания без тела? Что теперь не бывает, - не доказательство невозможности, ибо теперь душа в связи с телом. Но так ли без тела, по смерти?..

8. И если бы нужна была вообще телесность для сознания, то не остается ли его и в смерти, сколько нужно? Вся ли телесность исчезнет? Нет ли чего неразрушимого?.. Очень может быть. Что оно невидимо, - это не доказательство, что его нет. Тонкое в вещественном невидимо. Мало ли чего в воздухе, что обыкновенно невидимо, а под стеклом увеличительным видимо.

2.

Истина бессмертия есть более предмет веры, нежели истина бытия Божия. Последняя подлежит с некоторой стороны даже чувствам: «невидимая бо» Божия, - говорит апостол, - «твореньми помышляема видима суть» (Рим. 1; 20), а первая всецело превышает чувств. Отчего так?.. По естественному ли устройству вещей, или вследствие какого-либо превращения их порядка?.. Слово Божие открывает нам, что истина бессмертия затемнилась случайно, по причине падения человеческого. До падения бессмертие было предметом не веры, а чувства; человек не чаял сего, как ныне, а обладал им - подобно тому, как будет обладать по воскресении; тогда смерти вовсе не было, не только в человеке, но, конечно, и во всем мире; тогда не было века настоящего и грядущего, в том

смысле, как ныне, хотя за настоящим и следовало будущее; посему истина бессмертия тогда, если судить по-нынешнему, была яснее и ощутительнее самой истины бытия Божия, ибо Бога не всегда видел человек очами, а себя и в себе жизнь вечную всегда ощущал всеми своими чувствами.

Но пришел грех, и все превратил (разрушил)!.. Он ввел смерть в творение, он лишил человека бессмертия. Как лишил? Совершенно ли? Слово Божие сего не определяет. Но поелику оно будущую жизнь и воскресение приписывает действию заслуг Христовых, - значит, без них всего этого не было бы; значит, что же? Что человек оставался бы в узах смерти - по телу ли одному, или по душе? То есть, уничтожился бы совершенно? Кажется, последнее. Но можно утвердить и первое. Последнее привыкли утверждать более по школьному понятию о духовности и, следовательно, неразрушимости души человеческой, вследствие коей она якобы не могла умереть, то есть уничтожиться, независимо от влияния на нее заслуг Христовых. В самом деле, если душа по натуре бессмертна, то грех не мог убить ее или, говоря точнее, уничтожить; он мог только отнять у нее тело и блаженство.

Чем же, в таком случае, полезны заслуги Христовы?.. Очевидно, не тем уже, чтобы спасти душу человеческую от уничтожения, а тем, что они паки возвращают ей тело, теряемое через смерть, и блаженство. Без Христа человек, нисходя во гроб, уже никогда не вышел бы из него. Где же бы был, и что бы с ним было?.. Был бы, очевидно, в мире не нашем, а другом; терпел бы от неполноты своего бытия и греховности, - и, может быть, чем далее, тем с ним было бы хуже.

Теперь другое: смерть тела остается, но уже как временное, преходящее бедствие, притом такое, которое, вследствие особенного распоряжения, обращается во благо человеку, служа к очищению его существа от всего, что произошло в нем зловердного от греха.

Но, вследствие сего нового беспорядка и вместе порядка вещей, - беспорядка, поколику он произошел от нас, порядка, поелику выправлен и благоустроен свыше, - бытие человека распалось, пошло по эпохам, - потому сделалось непохоже само на себя: вместо одного человека явилось три - человек живущий, человек умерший, человек воскресший. Каждое из этих отдельных бытий отгорожено одно от другого перегородкой темной, непроницаемой. Человек живущий не видит человека умершего, человек умерший - живущего и воскресшего. Вот основание и неизбежность веры; вот как истина бессмертия одевалась облаком; вот как составилось: чаю воскресения мертвых и жизни будущего века.

Отсюда ясно, что не природное устройство вещей и, следовательно, не Бог виною того, что мы теперь не видим жизни вечной и должны веровать в бессмертие. Бог в начале не только не сокрыл его, а даровал на самом деле.

Но человек, потеряв его, необходимо перестал видеть потерянное, и должен искать.

Но всемогущество Божие, может быть, могло бы помочь нам и приблизить к нашему разумению. Почему оно не делает сего?

3. Вера в бессмертие в роде человеческом

Вера в бессмертие и жизнь души за гробом была у людей всегда и везде. Не было и нет народа, который бы верил в уничтожение по смерти; то, что ныне приводит в неверие, всегда было перед глазами людей и, однако же, не помешало им верить в бессмертие. Это тем удивительнее, что простой человек, каковыми были люди в глубокой древности, водится (более) чувствами, нежели соображением. Возражения против бессмертия все, так сказать, чувственны, являются на поле опыта; подпоры бессмертия сверхчувственны: и, однако ж, в сем отношении, чувственный человек, движимый чем-то особенно, умел в сем случае вознестись над чувствами, и вопреки тому, что видел, твердо и постоянно верил в то, что невидимо, что выше чувств. Как это могло быть?.. Или в природе человеческой есть побуждения верить в другую жизнь, или эта вера получена свыше. Без сомнения, она шла по преданию. А предание как началось?.. Или с опыта - явлений мертвого, или с откровения свыше. Как именно?.. Из древних сказаний видно, что вера в бессмертие соединялась постоянно с верою в явления умерших, - их душ или теней. Сказания о сем бесчисленны. Откуда они? Не было ли тогда действительно больше явлений из другого мира?.. Есть причины думать, что два мира, ныне так друг от друга разлученные, прежде были ближе один к другому, - посему и явления умерших чаще...

4. Происхождение человека

Происхождение человека некоторым представляется действием материальным, как будто весь человек происходит от тела отца и матери... Нет! Отец и мать здесь в отношении к человеку то же, что сеятель и земля в отношении к семени, которое повергается осенью в землю, а весною выходит из

земли и является колосом или деревом. В чреслах отца семя человека готово: кто уготовил его?.. Очевидно, не сам человек, ибо, хотя бы он хотел, не может сделать сего; мать, подобно земле, только приемлет семя, но не дает ему бытия, а только развивает его, - не по воле своей, когда хочет или не хочет, а когда так угодно Богу. Таким образом, отец и мать служат оба только поводом к происхождению человека, а отнюдь не производят его. Это два снаряда, кои обрабатывают третье, - данное, приуготовленное. Тут действует сила Божия, непостижимая, как и в других подобных случаях. Происхождение человека - тайна, подобная происхождению всего мира. Из нее ничего нельзя извлечь ни pro, ни contra духовности и бессмертия души. Ибо не можем сказать строго, как образуется и тело; удивительно ли, что не можем объяснить, как происходит душа? Очевидно только, что душа является в теле, когда оно уже получило полноту своего состава, и является как бы в сонном состоянии, и потом пробуждается постепенно к сознанию и действию; ясно только, что эта душа прибывает не по частям, прикладываясь одно к другому, а развивается из какого-то целого центра, в коем вся была завита.

5. Откуда сомнение в бессмертии

У каждого сомневающегося оно рождается особным, ему свойственным образом, в коем он часто не может дать отчета. Большею частью бывает так, что он не верит, так что когда он начинает размышлять, то уже придумывает только причины на продолжение неверия. Следовательно, неверие зарождается без сознания человека. Как?.. Из разных источников: из чувственности, из худой жизни, из чтения или обращения с людьми неверующими, и прочее, и прочее.

Между тем, нельзя отрицать, что неверие может указать, в опору себе и в извинение, на некоторые явления в жизни человеческой, и преимущественно на смерть.

В смерти человек весь исчезает для нас: тело еще-таки остается на некоторое время, а души нет тотчас в теле; иначе мы и не хоронили бы тело в землю. Душа по смерти невидима, не дает знать о своем существовании ничем; следовательно, ее нет.

Аргумент - весьма сильный, по-видимому; и однако же, в устах, отрицающих бессмертие, он фальшив.

Душа невидима; она не дает знать о своем бытии; следовательно, ее нет. Не следует: в заключении больше, нежели в посылке. Чтобы увериться в сем, стоит только вникнуть - на чем основано это заключение. На том предположении, что то, чего не видно, и что не дает о себе знать, того нет, то не существует! Можете ли вы принять это положение?.. Очевидно, не можете. Ибо есть вещи, кои невидимы, не дают о себе знать, и, однако же, существуют; иначе существовало бы только то, что видимо и дает знать о себе: нелепость! Душа может быть невидима, может не давать о себе знать, и, однако же, может существовать, как уехавший на корабле куда-либо, когда он к вам не пишет. Доколе вы не получили известия, что он умер, вы, и не видя его и не получая от него никакого известия, думаете, что он жив и что ему мешает что-либо дать вам знать о себе. Так, по крайней мере, думаете и об умерших, коих уехало много, и ни один не пишет - не дает о себе знать. Да этого, во-первых, нельзя сказать: есть явления умерших, или их действия, кои не подлежат сомнению, хотя они редки. Во-вторых, очевидна причина, по коей они не дают о себе знать; у них нет органа телесного, через который могли бы сообщаться с нами; и эта причина действует у всех них равно. Разбейте инструмент у самого лучшего артиста, и не дайте ему другого; он не заиграет перед вами, хотя он жив и цел, со всей способностью к игре. В сонном (человеке) душа жива и цела; он лежит перед вами; вы кладете на него руку; однако же он не дает вам знать о себе, хотя, может быть, в эту самую минуту видит вас во сне и беседует с вами.

Как люди делятся по отношению к догмату о бессмертии

Жизнь по смерти для некоторых есть предмет неверия, для некоторых - сомнения, для некоторых - разумного убеждения, для некоторых - чувства, для некоторых - веры, для некоторых - опыта.

С неверием в бессмертие совместна ли вера в Бога?

В понятии можно отделять эти две вещи и, уничтожая первую, выхитрить существование для последней, хотя оно, по необходимости, будет гораздо беднее, нежели в содружестве с первой. Но на деле и опыте трудно найти человека, который бы твердо и с сознанием верил в Бога, не веруя в бессмертие. Сколько знаем, все, верившие в Бога, верили и в бессмертие; а не верившие в бессмертие не верили и в Бога, или имели о Нем понятие самое темное и бедное.

При неверии в бессмертие может ли стоять добродетель?

Честность гражданская до известной степени может, потому что ей в опору остается страх наказания и удовольствие естественное от добра. Но последнее слабо, первое не обнимает все случаи.

Бывают случаи, что надобно избирать одно из двух - сохранить правду, или жизнь. Что заставит человека предпочесть правду жизни, если нет бессмертия?.. Любовь к правде?.. Нелюбовь к жизни?.. Откуда возьмется первая? Из сильного развития чувства правды, вообще развития души?.. Но как она разовьется, не вспоможествуемая надеждою жизни вечной?.. В таком разе на человеке будет даже обязанность предпочесть жизнь правде, даже по любви к правде; ибо, сохранив жизнь изменою правде, он еще много раз будет иметь случаи делать правду и помогать другим делать ее, или препятствовать нарушать ее; а пожертвовав правде жизнью, он лишится навсегда и жизни, и правды.

* * *

Если нет бессмертия, то смерть наша есть вещь естественная. Почему же мы от нее так отвращаемся? От вещей естественных мы не отвращаемся: от пищи, от сна, от дыхания, от различных видов деятельности. Отвращаемся только от неестественного: от голода, от болезней, от жестокости, пьянства, и прочего. Значит, и смерть принадлежит, поелику мы отвращаемся от нее, к вещам неестественным. Природе нашей следовало быть без нее.

* * *

Бог бессмертен. Один ли?.. Не может быть, чтобы в мире не было существ бессмертных.

Бог праведен, - и дал нам стремление к праведности. Но праведность в этом мире требует иногда в жертву себе жизни. Где же, в таком случае, опора для нее, если нет бессмертия? В таком случае человек, умирающий за правду, был бы - дерзнем сказать - праведнее Самого Бога.

Бог истинен; Он не вложил бы в нашу душу жажду жизни вечной, если бы последней не было, и смертью все оканчивалось.

* * *

Из образованных людей не многие уверены в бессмертии; большая часть в сомнении о том; иные вовсе не верят, даже явно показывают свое неверие.

Как бы образованным людям, подумает кто-либо, не быть уверенным в бессмертии, если бы можно было увериться?

Увы, не хотелось бы нам говорить против людей образованных и винить их в чем-либо, тем паче в настоящем случае. Но мы уверены, что многим из них самим приятно будет узнать и признать свою вину.

1) Не должны ли осознать образованные, что в них менее действует чистая природа человеческая, что голос ее не так слышен, что как их жизнь, так и чувства и мысли заключают в себе много искусственного, не чисто человеческого; что они, в сем отношении, уступают людям необразованным, но сохранившим свою природу? Но уверенность в бессмертии выходит из природы, из внутреннего чувства, из совести. Удивительно ли после сего, что голос бессмертия менее слышен людям образованным?

2) Многие ли из людей образованных серьезно размышляли об истине бессмертия?.. Редкие. А истина бессмертия, коль скоро приводится к допросу ума, требует в жизни многих справок, исследований, соображений. После сего нечего удивиться, что люди образованные страдают неверием в жизнь будущую.

3) Спросите у сомневающихся: убеждены ли они в неверии своем? По справке окажется, что убеждения нет, потому что и исследования не было, и что неверие есть следствие лености умственной, подражания, худой совести, нечистой жизни.

4) Большею части людей образованных выгоднее не верить, нежели верить в бессмертие.

6.

Есть ли в человеке чувство своего бессмертия?.. Должно быть. Как существо, предназначенное к бессмертию, человек по этому самому не может не иметь предчувствия об этом; и действительно, нет человека, который в известные минуты жизни не ощущал в себе того, что превышает смерти. Во всех ли равно это чувство?.. Нет; в иных оно очень сильно, в иных так слабо, что почти его нет. От чего зависит эта разность? От природы, или воли самого человека?.. Чувство бессмертия, как и все прочие чувства в нашей душе, может усиливаться и ослабевать. Когда прилагают старание, то оно усиливается; когда небрегут о том, тем паче когда действуют противным образом, то оно ослабевает.

От чего же именно усиливается это драгоценное чувство и от чего ослабевает?.. Ответ, хотя краткий, на сей важный вопрос не будет чужд ни настоящим светлым дням, ни, может быть, душевного состояния некоторых из слушателей.

В настоящем состоянии человека, в составе его, очевидны два начала: одно - бессмертное, которое не исчезает в смерти; другое - смертное, которое продолжается только до гроба, и там разлагается и исчезает. Каждое из сих начал производит в человеке сродное себе чувство: начало бессмертное производит чувство бессмертия, начало смертное производит чувство смертности. Оба начала эти, бессмертное и смертное, так тесно сочетаны, что составляют теперь одно целое; -посему-то и чувство бессмертия с чувством смертности сливается в одно неопределенное чувство. Такая неопределенность чувств недолго может продолжаться: с продолжением времени, когда человек начинает действовать самостоятельно, одно какое-либо чувство берет верх, вместе с тем другое слабеет и умалывается. Если берет верх чувство бессмертия, то чувство смертности слабеет; если, например, усиливается чувство смертности, то чувство бессмертия делается слабее. Зависит же это от того, чем наиболее человек начинает жить и действовать. Если он живет более тем, что есть в нем истинно бессмертного - духом, совестью, законом, то усиливается чувство бессмертия. А если предается сильно тому, что в нем есть смертного - плоти и крови, то усиливается чувство смертности. И с чем наиболее он живет, то наиболее и чувствует, тем наиболее и проникается, от того заимствует силу и чувство.

И вот причина, почему в миролюбцах сильно чувство смертности, и они боятся смерти, а в людях добродетельных сильно чувство бессмертия, и они смотрят на гроб, как другие смотрят на свое ночное ложе.

7-10. Возражения и решение возражений

1) Человека не видно до рождения, и мы говорим, что он не существовал. Его не видно по смерти; зачем же мы будем говорить, что он существует? Случаи равны, равное должно быть и заключение.

2) В смерти условия существования, нам известные, прекращаются: следовательно, прекращается и бытие, *cessante causa, cessat effectus*.

3) Если бы человек существовал по смерти, то он дал бы знать как-либо о своем существовании; но этого нет, следовательно...

4) Если бы была жизнь за гробом, то отчего бы так прятать и скрывать ее? Не видно цели в скрытности.

5) Животные явно суть подобие человека, и некоторые очень близки к нему; но мы о всех них утверждаем, что они не бессмертны. Зачем же исключение в пользу одного человека? Это несправедливость, эгоизм человеческий.

6) В человеке нет желания бессмертия; есть только охота пожить подольше. Но, долго пожив, он наскучил бы жить; вечность для него невыносима. Если в нас теперь не является этой скуки от бытия, то причиною сего сон; в нем мы кончаем бытие, и опять принимаем; без него, несмотря на краткость жизни, мы наскучили бы ею.

7) Если бы человеку суждено было жить всегда, то зачем и к чему смерть? Она была бы не в порядке вещей. Как конец бытия смерть уместна; а иначе - абсурд.

8) Доказательство от духовности души ничего не доказывает в пользу бессмертия, ибо мы не знаем природы души. Слова: дух, материя суть чисто относительны и условны; мы не знаем природы ни того, ни другого; следовательно, и не можем брать из нее твердых заключений.

9) Учение о небессмертии человека может иметь практические полезные стороны: заставить дорожить жизнью, не терпеть притеснений и самовластия, стремиться к равенству и безобидному разделу благ жизни, и прочее, и прочее.

10) Человеку, большей частью, лучше быть добродетельным, нежели порочным, хотя бы он не был бессмертным.

11) Лучшие из язычников - Сократ, Платон, Цицерон - не были твердо уверены в бессмертии; изъясняли более желания и догадки, нежели убеждение и уверенность в сем.

12) Усилиться учению о бессмертии помогли нужды и беспорядки этого мира. Будучи недовольны настоящим, естественно обращаются к будущему. Чего сильно желают, то кажется существующим.

Вот все, что можно возразить против бессмертия.

Некоторые возражения особенно могут смущать. Но на стороне истины есть довольно средств к уничтожению всех сих возражений.

Что имело начало, то будет иметь и конец. Так обыкновенно говорят, но почему так говорят? Все причины сводятся к тому, что по опыту так бывает: имевшее начало - потом имеет и конец. Действительно, опыт вокруг нас представляет, большей частью, это явление. Большею частью, но не всегда. Земля явно имела начало, но будет ли иметь конец?.. Этого опыт не говорит нисколько. Небо имело начало, но будет ли иметь конец?.. Этого опыт не показывает. Вообще мир имел начало; но последует ли конец?.. Этого по опыту нельзя сказать. Таким образом, самый опыт, откуда добыто известное правило, что имеющее начало имеет и конец, подтверждает его только по частям, а не вообще. Вообще говоря, опыт показывает, что многое, имеющее начало, не имеет конца.

Если за сим от опыта взойти к умозрению, то окажется совершенно противное. Надобно сказать, что все, возымевшее начало, вечно, поколику не должно иметь конца. Почему?.. Потому что конец противоположен началу, так же как холод жару, как тьма свету. Как одно выйдет из другого? - это невозможно. Тут, вообще, тот же закон, по коему физики утверждают, что телу, коему сообщено движение, вечно должно двигаться в ту сторону, куда двинуто, доколе не встретит препятствия.

Если бы человек создан был для земли, и не продолжал жить за гробом, то он вправе жаловаться, что не попеклись хорошо поместить его. Зачем ему тогда было давать такие желания и мысли? Зачем не дать то, что нужно для удобства земной жизни? Теперь он может переносить сии неудобства благодушно, в чаянии вечной жизни; а коль скоро вознаграждения нет, то он вправе роптать и обвинять. Скажут: ему все дано, что нужно. Нет, очевидно, недостает многого.

Бессмертие никто не может сделать очевидным, правда; но кто может очевидным сделать и небессмертие?.. Доказательства материалистов нерешительны; все сводится к тому, что тело умершего истлевет, и мы перестаем видеть его. Для нас его более нет; но есть ли оно само для себя?.. этого мы не можем отвергать решительно, уже по тому что не можем видеть, как душа уничтожается. Скажут: есть причина подозревать, что нет, коль скоро не видим. Так; но есть причина подозревать, что есть. Какая причина?.. Не только нравственная, даже материальная; например, присутствие полной души пред самою смертью, когда тело уже, можно сказать, полуразрушилось.

Я не был и не существовал, а, очевидно, начал быть, существую, cogito, ergo sum. Была какая-то сила, которая воззвала меня от небытия к бытию, и которая потом содержит меня доселе в бытии.

Поелику я прежде не был, то могу и опять не быть; но поелику не был, и стал быть, то по опыту уже заключаю, что могу опять прийти в небытие и снова быть воззван - тою же силою - к бытию. Это чистая и прямая логика.

Как же некоторые думают, что я, если потерял бытие, например, в смерти, то уже потерял его навсегда и невозвратно? Тут, по крайней мере, нет логики... Кто бы Он ни был, но воззвав меня из совершенного небытия, то есть когда я вовсе не существовал, каким образом не в состоянии воззвать меня из временного небытия, в которое, положим, приведет меня смерть? Но и это - чистое предположение. Сроднее, по мне, думать, что, раз получив бытие, должно уже существовать - в таком или другом виде - вечно.

11-12. Где говорится о бессмертии?

1) У Даленбурга - в книге "Бог в натуре", том 3, с. 311-323. Рассуждение не сильное и не глубокое, но не худое.

"Легче быть безбожником, нежели сомневаться в бессмертии".

2) В статье о сумасшедших, Низара, сказано в примечании, что сумасшедшие перед своей смертью приходят в здравый рассудок и умирают с сознанием. Почему так, господа физиологи?

3) У Лафатера: "Ansichten in die Ewigkeit".

4) У Екклесиаста, в главе 3, стихах 19-22.

У Массильона проповедь о достоверности будущей жизни витиеватая, но внутрь дела не проникает, без философии.

В Апостольских постановлениях.

Recognitiones Clementis начинаются прекрасным рассуждением о бессмертии.

У Ефрема Сирина ("Христианское чтение") есть проповедь против неверующих в воскресение.

Отрывок в речи профессора Филомафитского - в Московском университете, на акте, 1844.

Н.В. Удивительно было бы, если бы натура производила только такие временные разумные существа, как люди. Это значило бы, что материальная часть в ней сильнее и продолжительнее; гора, например, стоит целые тысячелетия, река течет тоже, и прочее; а разумные зрители входили бы и выходили, переменились бы, как в театре. В театре это неизбежно и хорошо, а в природе показывало бы слабость и бренность руки производящей.

Заметки

1.

Душа наша окована со всех сторон воображением: образ за образом. Эти образы составляют из себя мир воображения. Мир этот крайне много значит для души. Слепой, например, в нем только и живет. Мертвый (то есть душа умершего человека) им, может быть, только и ограничен. Следовательно, как важно наполнять душу воображениями чистыми. Это все равно как бы кто созидал для себя дом, готовил кушанье, шил платье, собирал библиотеку: очевидно, всякий старается, если можно, устроить все эти вещи как можно лучше.

Думаем ли мы об этом?.. И как жалко не думать об этом! Кто день провел в сценах ужасных, отвратительных, тому какие чудовищные видятся сны! Кто жизнь провел в этих сценах, тому что будет видеться по смерти?

Но вот еще замечание: некоторые образы до того овладевают душою, что занимают ее всю, в них сосредоточивается для души целый мир и целая (вся) жизнь. Но такие образы крайне нужно обращать внимание. Беда связаться, таким образом, с образом худым.

Такие praedominantes ideae лишают душу самостоятельности более или менее. "Я сам не свой", - говорят в таком случае. Этого мало: образ может отнять всю самостоятельность, вывести человека из себя, лишить его сознания. Сколько помешанных помешалось именно таким образом!

И этого мало. Лишив самостоятельности, образ может вообразиться в человеке, заставить его принять свою личность. Помешанный, вообразив себя собакою, лает, кусается, мяучит, и прочее.

Предел ли здесь метаморфозу? Очевидно, нет; он может идти далее. До чего? В Сарданапале - до оскотнения.

Но здесь тело, грубость, все еще мешает душе преображаться таким несчастным образом, а по смерти? Тут душа бедная, восприняв всю гибкость, текучесть свою, может всецело вылиться в образ, ею овладевший.

Стоит подумать о сем!

2.

Магнетизер приходит в особенное соотношение с душою магнетизируемого и командует ею. Последняя теряет самостоятельность и живет магнетизером. С человеком ли только у человека может быть такое сообщение? Не может ли быть и с духами добрыми и злыми? Добрые, конечно, не злоупотребят этим и, так как это противно порядку вещей, то может быть и не пользуются этой возможностью. А злые? На что они не могут покуситься? А между тем очевидно, как бедной душе надобно быть осторожной, чтобы не подпасть влиянию духа тьмы!

3.

Я сравниваю природу, в отношении к познанию, с высокой горою. Кои живут у подошвы ее, те, кроме того, что могут наслаждаться величественным видом горы (хотя таковые редко способны к тому), пользуются еще всеми житейскими выгодами местоположения: тут пристани, рыболовья, пастбища, и прочее. Ученые восходят выше, до середины горы: тут прелестные виды, но все еще удобность жизни. Горе тем, кои, не удовлетворяясь срединными познаниями, взойшли на верх горы, или, по крайней мере, подошли к ее вершине, то есть вступили в область метафизики. Тут все сухо, голо или покрыто льдом. С горы чувственной можно воротиться назад; с высоты метафизической, если на нее сделан действительный восход, нет возврата.

4. Правда Божия в природе видимой

Апостол замечает, что невидимые совершенства Божий, обнаруживаясь в творении, становятся видимыми до того, что внимательный зритель может видеть в природе самую присносущную силу творческую и Божество. О некоторых совершенствах Божиих это так ясно, что не может подлежать никакому сомнению; например, всемогущество, премудрость, благодать видны в природе на каждом шагу. Но некоторые совершенства составляют в сем отношении как бы исключение. Такова особенно правда Божия. Кто думает видеть ее в творении, вне себя? И однако же она, будучи одним из основных совершенств Божественных, должна по сему самому отражаться в природе видимой не менее других совершенств. Почему же не замечают ее? или не столько, как другие совершенства? Уже потому, что человеку грешнику замечание сего совершенства не так приятно, как других, например, благодати и премудрости; а известно, что менее любимое менее и замечается. Притом для открытия правды потребен взгляд, так сказать, праведный; а в нем тоже не большой избыток у людей грешных. Наконец, и в самой природе правда Божия открывается менее, нежели другие совершенства, потому что воспящается милосердием. Открываясь во всей силе, она устремлялась бы всего более против человека, а он под кровом милосердия. Посему обнаружение правды приостановлено до великого дня Суда, и правды, и воздаяния. Однако же открывается!

5.

Человека можно буквально кормить секретами. Знающий секрет уже почитает себя выше других, и готов лишиться многого. Поэтому должность секретаря по секретной части приятнее других должностей. Ничем вы так не привяжете человека к себе, как допустив его в свой секрет.

. 6.

Самое большое несчастье Наполеона во время последней его кампании, мне кажется, состоит в том, что ему было хорошо, лучше, нежели каждому из его армии, в физическом отношении. Потерпи он день - два то, что терпит бедный солдат, или будь покрепче ранен и пострадай от раны хотя неделю, небось, мир был бы заключен тотчас, и все честолюбивые помыслы ушли бы как мыши в нору при появлении кота. Великое дело - нужда физическая!

7.

«Что воздам Господеви о всех, яже воздаде ми?» (Пс. 115; 3)

Ко всякому ли идет вопрос сей? Ко всякому, и самому, по-видимому, несчастному. Ибо если есть какие несчастья, то они не от Господа, а или от самого человека, или от людей других. Притом несчастья, какие есть или бывают, касаются только поверхности бытия нашего и суть нечто преходящее; а фонд - то, что от Господа - всегда благо и хорошо. Душа всякая одарена образом Божиим; искуплена всякая Кровью Сына Божия; освящена всякая благодатью Святаго Духа; предназначена всякая к вечному блаженству; поставлена среди мира Божия.

Но если и самый последний бедняк в мире должен говорить таким образом, то что сказать о вас, богатых счастливых мира? Из вас каждый, и вставая и ложась, должен говорить: «Что воздам Господеви о всех, яже воздаде ми?»

И что же в самом деле можно воздать Ему? Благ наших Он не требует. Чего же хочет? Сердца твоего: «Дажь Ми, сыне, твое сердце» (Притч. 23; 26). У тебя все - Мое, но сердце - твое. Я не могу им располагать. Если в самом деле хочешь возблагодарить Меня, то дай Мне сердце. Таким образом мы составим одно. А то, что дано тебе, получит чрез сие правильное употребление.

8.

«Помянул Бога и возвеселихся» (Пс. 76; 4)

Одно воспоминание о Боге наполняет душу отрадою и веселием. Ибо с именем Божиим соединено все, что только можно представить великого, премудрого, благого и любвеобильного. Отраднo вспоминать среди горя об отце, о наставнике мудром, о друге неизменном, о покровителе

могущественном, о враче искусном: Бог есть и Отец, и Наставник, и Друг, и Покровитель, и Врач такой, пред Коим все земные и наставники, и отцы, и врачи малы и слабы.

Но чтобы одно воспоминание о Боге уже веселило нас, надобно, чтобы у нас была связь с Богом; надобно, чтобы мы были - Его, и Он - наш. Чужое не веселит. Тем паче не веселит чужое противное. Посему на человека нечестивого воспоминание о Боге производит другое действие: «помянух Бога и» убоюсь. Ибо с именем Бога соединяется понятие Обличителя, Судии, Наказателя.

Какое горькое состояние, что мысль о Боге производит уныние и страх! Не все ли это равно, как и луч света леденит? Так грех превращает порядок вещей!

Безименно сего состояния. Будем и среди грехов не терять духа покаяния, и тогда всякая мысль о Боге будет сопровождаться радостью духовною. «Помянух Бога и возвеселихся!» Ибо с именем Бога пробуждается мысль об Отце, приемлющем кающихся с распростертыми объятиями.

9.

«Седмерицею днем хвалих Тя о судьбах правды Твоя!» (Пс. 118; 164)

Вот каковы судьбы Божий пред очами людей, умеющих смотреть на них! Таковы, что за них надобно прославлять премудрость Божию не раз, не два, а седмижды на день! А у нас бывает иногда то, что мы седмицею днем бываем готовы роптать о судьбах той же правды Божией. Откуда эта жалкая разность? Оттого, что мы не умеем смотреть на сии судьбы. Пусть будет самая величественная картина, но если вы не найдете истинной точки зрения, она вам покажется самой обыкновенной); а если это картина перспективная, то потеряет всю цену. Судьбы Божий суть именно картины последнего рода: они требуют, чтобы мы стояли в известном расстоянии, а мы становимся или слишком близко, или слишком далеко, то все относя к себе и ничего к другим, то все относя к другим и ничего или слишком мало к себе.

Будем смотреть на судьбы Божий очами веры и преданности, очами смирения и любви, и, может быть, и нам будет то же, что с Давидом - мы будем хвалить Господа.

10.

«В скорби распространил мя еси» (Пс. 4; 2)

А скорбь, как говорят психологи, сжимает сердце. Да, скорбь сжимает чувственность, сжимает самолюбие; дух же и совесть распространяет, освобождает, изводит на беспредельность. «В скорби распространил мя еси». В счастье, по-видимому, человек велик, ибо надмен собою, презорлив, горд; а в самом деле - мал, ибо ограничен собою, удален от всего истинно великого. В несчастье же человек, по-видимому, мал; но если он растворяет несчастье верою, то среди сей внешней малости он внутри себя бывает гораздо больше. Не в скорби ли человек устремляется мыслью к Богу, к концу своей жизни, всего мира? А это, очевидно, великое пространство. Не в скорби ли человек холоден ко всему миру, отделяется от него, становится вне времени и пространства? И это также видимое распространение. Не в скорби ли человек способен решиться на самые трудные подвиги, лишения, пожертвования? А это что другое, как не следствия распространения? Вообще в скорби и несчастье с духом нашим бывает то, что с веществами, когда их кладут в огонь: они ширеют, смягчают, расплавляются и испаряются. Если душа добрая, то с нею бывает то же, что с благовонным веществом: воня смирения, преданности несется далеко. А если душа нечистая, злая, безверная, то от нее, как от зловонного вещества, несется ропот хулы, ожесточение и гнев.

11.

«Вера без дел мертва» (Иак. 2; 20)

А дела без веры? И дела без веры мертвы: это не добродетели, а, можно сказать, струп добродетелей, или, если не нравится это сравнение, это - вид, картина добродетелей, а не самая добродетель. Ибо откуда взяли бы дела жизнь, если не от веры? От склонности к добру? Она в нас мала и слаба, сама требует оживления. От соображений рассудка и внушений ума? Они, во-первых, холодны и коль скоро сами не проникнуты чувством добра, не утверждены на глубоком основании, то слабы, притом переkreщиваются в действии внушениями страстей, самолюбия, расчетами... (пропущено слово по неразборчивости), и прочим. От примера других людей? Но много ли примеров добра чистого, действий святых? От хвалы и одобрения человеческого? Этот ветер переменчив и

непостоянен. Он иногда рвет паруса порывами, а иногда веет в противную сторону; иногда нельзя узнать по нему, куда ветер. Посему и дела без веры мертвы.

12.

«В премудрости ходите ко внешним» (Кол. 4; 5)

Такой совет давал некогда апостол Павел возлюбленным ученикам своим Колоссянам. Под внешними понимаются у него не христиане: Иудеи и язычники. Со всеми ними апостол велит ходить христианам в премудрости, то есть с особенной осторожностью, благоразумием, приличием. Кто вспомнит, в каком положении находились тогда христиане между неверующими, в руках коих была вся сила и все могущество земное и кои притом смотрели на христиан, как на врагов своей веры и нравов, тот поймет всю нужду апостольского совета.

Времена гонений давно прошли; но потерял ли употребление сей благий совет? Нет, истинный христианин всегда странник и пришелец в мире. Между Царством Христа и духом мира, между чадами Божиими и сынами века сего нет и не будет никогда мира. Посему вы, кои решились носить не одно имя христиан, а и стяжать вещь, приобрести ту драгоценную жемчужину, для стяжания коей надобно продать или презреть все, не забывайте совета апостольского – ходить «в премудрости... ко внешним» - к тем ложным христианам, кои, довольствуясь одним праздным именем христиан, нисколько не думают о том, чтобы в самом деле принадлежать Христу, или, что еще хуже, отвергшись внутренних сил благочестия, стараются удержать на себе Его внешний образ. «Ходите... в премудрости», не принимая на себя чуждого образа, не представляя тем, что вы не есть, это не ваша мудрость; а не выставляя всем и каждому свой образ, не обнаруживая безвременно, что в вас сокрывается. Если для вас недорого собственное спокойствие, которое могут нарушить люди плотские, по неспособности оценить вас, то подорожите честью веры и Евангелия, которая может страдать от превратных толков о вас. Что пользы, что вы будете рассыпать драгоценный бисер перед теми, у коих нет для него глаз и рук? Они потопчут его ногами, обратятся на вас же, - не для того, чтобы благодарить, а чтобы расторгнуть вас.

13.

«Аще кто не хочет делати, ниже да яст» (2 Фес.3; 10)

Так говорит государственное хозяйство; так учит и слово Божие. Если набожность служила иногда покровом для тунеядства, то эта набожность ложная, отвергаемая верою христианскою. Истинно набожный трудолюбив. Он почитает за грех жить трудом другого, когда может сам снискивать себе пропитание. Пример - все самые великие подвижники, даже те, кои, быв призваны к совершению великих дел или преданы жизни созерцательной, не имеют, по-видимому, времени трудиться трудом телесным. На ком лежало более подвигов, как на апостоле Павле? "Попечение, - говорит он, - о всех Церквах". Но посмотрите, откуда он берет себе пропитание. Ему ли, апостолу языков, всей вселенной, не могла доставить вселенная насущного хлеба? Но он не ест чужого хлеба: «ниже туне хлеб ядохом... но в труде и подвиже ночь и день делающе, да не отягчим ни когоже от вас» (2 Фес. 3; 8). И, что особенно надобно приметить, забота о собственном пропитании не мешает у него нисколько его главному делу, проповеди вселенной, апостольству; напротив, обращается в содействие тому. Ибо он употребляет для сего ночи, то есть то время, когда свободен от дел апостольства. А во-вторых, независимость экономическая делает его гораздо свободнее в действовании апостольском: он никому ничем не должен; посему действует с равною властью на всех. Его безкорыстие отворяет ему двери везде, и слово Божие, сеемое руками чистыми, «растет и славится» (Мк.4;27. 1Кор.12;26).

Великие подвижники времен древних показали, как труд может быть сочетай с жизнью созерцательною и служить для нее на пользу вечную. Кто доставлял пропитание Евфимиям, Феодосиям, Саввам, коих обители превосходили города множеством братии и помещались среди многих песков Сирийских?.. Императоры, префекты? Нет, собственные руки, те руки, кои непрестанно воздеяны были к небу. Совершив молитву, столетний старец сидит у порога келлии и плетет кошицу; в известный день недели брат несет соделанное в Александрию или Антиохию и приносит хлеба и сочива на следующую седмицу. Так питались те, «ихже не бе достоин (весь) мир» (Евр. 11; 38). Такой род жизни нисколько не вредит созерцанию. После телесного труда, дух тем охотнее парит туда, где нет печали и въздыхания. Напротив, праздность тотчас ослабляла и наконец убивала дух

подвижничества. Посему великие из подвижников ничем лучшим не считали начать свою покаянную молитву, как прошением: "дух праздности... не даждь ми".

14.

«Доброхотно дающего любит Бог» (2 Кор. 9; 7)

За что любит? Ужели за даяние? Так любить могут только люди, бедные, своекорыстные, а не Тот, Кто «Сам» дает всем «жизнь и дыхание и всё» (Деян. 17; 25). Господь любит доброхотного дателя не за то, что он датель, а за то, что датель доброхотный.

Что такое доброхотство?

То, когда дают не только с доброю целью, но и от доброй воли, от души, полною рукою; когда дают, не озираясь десять раз на то, что остается у себя, не увлекаясь расчетами, не заставляя себя просить долго, не показывая при даянии вида скуки и отвращения; когда дают и находят удовольствие в том, что дают, обнаруживают это всем, чем могут; когда дают больше, нежели сколько можно было предполагать. Скажите: можно ли не любить такой души?, особенно, когда вспомнишь при сем о дателе недоброхотном, у которого и малое даяние надобно испрашивать большими просьбами; который дает, но с трудом, показывая, что он чрез даяние лишается как бы некоей части самого себя; дает, и в то же время наказывает за то, что ты от него получишь. В последнем случае явно видна душа черствая, сомкнутая сама в себе, опутанная со всех сторон расчетами, неспособная раскрываться для сообщений и потому для принятия даров свыше от Того, Который приемлет только для того, чтобы воздать сторицею. Доброхотное даяние, напротив, предполагает в даятеле душу чувствительную, сердце нежное и открытое для всего доброго, а потому и способную для вмещения даров благодатных. Можно ли не любить такую душу и такое сердце?

15.

«Гнев в ярости Его, и живот в воли Его» (Пс. 29; 6)

Такова самая ярость небесная! В ней самой, в выражении ее, - гнев; но в воли, в намерении, - живот! Это начало жизни, не терпящее начала смерти, и потому тревожащееся, чтобы повергнуть его и уничтожить.

У людей - напротив! Тут нередко бывает в выражении и обхождении - любовь, а в воле и намерении - смерть.

Посему-то некто из испытавших небесную ярость и земную приязнь говорит: "Да впаду лучше в руки Божий, нежели в руки человеческие, якоже бо величие Его, тако и милость Его!"

16.

«Вем... и избыточествовати и лишатся» (Флп. 4; 12)

Вот истинная мера совершенства и умеренности! Уметь лишаться значит немало. Но сколь многие, умея лишаться, не умеют избыточествовать. А уметь избыточествовать так же нужно, как и уметь лишаться. Ибо человек идет к тому состоянию, что надобно будет только уметь избыточествовать, а лишений никаких уже не будет.

Как приобретается это великое ведение избыточествовать? Бесстрашием. А бесстрашие? Самоотвержением. А самоотвержение? Умением лишаться. Последнее есть условие и приготовление к первому, хотя не всегда дает его, подобно тому, как цвет не всегда дает плод.

Умение избыточествовать, подобно умению лишаться, имеет свой корень, простирает свои ветви, цветет и плодоносит в душе. Но, в высшей степени, самое бренное тело, качествуясь по душе, приобретает умение не только лишаться, но и избыточествовать. Величайшие подвижники могли без всякого вреда употреблять, когда хотели, все роды снедей. Что это, как не ведение избыточествовать в самом деле?

17.

Чадю Тимофее, «трезвися о всем» (2 Тим. 4; 5)

О всем, а не о едином. У нас трезвость, обыкновенно, сводится к воздержанию от охмеляющих напитков; много, если и от излишних яств; но у истинного христианина должно быть не так.

Он трезвится во всем! Об излишнем употреблении питья и яств нечего было и напоминать тем, кои, по апостолу, умерщвляли тело свое, распинали плоть с ее страстями и похотями; а между тем, святые подвижники любили говорить и писать о трезвости; есть целые главы, даже книги, написанные: о трезвении духовном, о трезвении ума, и прочие.

Что это за трезвение?

Душа, подобно телу, имеет своего рода питья и яства, при употреблении коих потребна умеренность; иначе можно упиться или пресытиться, и чрез то подвергнуться духовной болезни - сделаться, подобно нетрезвому, неспособным к действованию правильным образом, допустить или произвести беспорядок, подать соблазн, впасть даже в какое-либо преступление. Нужен пример в пояснение дела? Посмотрите на упившегося ревностью не по разуму: он готов убивать за веру, за то что другие не так думают, как он, и, убивая, будет думать, что он приносит службу Богу.

18.

Как хорошо, что наш Творец есть Существо беспредельное, всесовершенное, такое, что у Него бездна всего не только для Него Самого, но и для нас! Теперь мы, как дети величайшего богача, всегда можем надеяться и не боимся никакого стеснения в своем бытии. А что было бы делать, если бы Творец наш был не так велик, если бы мы могли видеть пределы Его сил и совершенств? Мы были бы похожи на крестьянина с большими способностями у мелкого помещика. Душа рвалась бы к небу, а нас заставили бы сидеть весь век в передней или ходить за свиньями. Итак, слава Тебе, Господи, и за Твою беспредельность!

19.

Каким образом произошли громады камней? Одни отвечают: посредством огня, другие - посредством воды, третьи - ни то ни се, или - и то и се. Все это кажется не так. Зачем заставлять огонь и воду производить камни, когда мы видим по опыту, что от них камни распадаются и пропадают?

Спрашиваю: в человеческом теле есть ли камни? Не только есть, но и растут, например, кости. По какой системе? Нептунической? Вулканической? Нет, а по силе организма. Почему же не произойти и не происходить таким образом всему каменному и в земле?

20.

Старение в теле человеческом обнаруживается, между прочим, оскудением влаги: оттого старики и особенно старицы бывают сгорблены и кожа покрыта морщинами. Не то же ли происходит с землею? Воды во многих реках видимо оскудели, а протоки и источники один за другим вовсе иссыхают. Взамен сего умножается число бугров, логовин и неровностей.

21.

Подозрение в делах житейских, простирающееся гораздо далее достоверности, не всегда бывает верно, но во многих случаях оправдывается; почему не быть месту подозрениям и в области философии? И то, что мы называем умозрениями, не суть ли большею частью чистые подозрения? Посему не худо бы заняться приложением правил обыкновенного, если угодно юридического, подозрения к предметам метафизическим.

22.

Творец отдал нечто твари единожды и навсегда, невозвратно; это остается у твари. Когда она идет против Творца, этим она, так сказать, пробавляется и в удалении от Него. Но Творец не все дал, что нужно для блаженства; многое Он предоставил непосредственному действию Своему на тварь, что должно служить в виде дара награды за верность. Этого тварь непокорная не имеет, а без этого не может быть блаженною.

23.

Можно ли видеть ушами? Отчасти можно. Когда вы слышите известный шум, то догадываетесь, какую форму имеет шумящее тело. Можно ли слышать глазами? Отчасти можно. Когда вы видите издали сильно вертящееся тело, то по фигуре его догадываетесь, какого рода шум должен от него происходить.

24.

Преобразования в учреждениях политических подобны плоду в утробе матери; они имеют свое время зачатия, возрастания и, наконец, рождения. Революции подобны выкидыванию младенцев; редко выкинутое дитя остается живым. Следовательно, надобно ждать всегда времени разрешения? Да. Впрочем, и естественные роды требуют иногда хирургической помощи.

25.

Межу людьми есть немалое число людей, страждущих унынием. Нет ли и между злыми духами духов сего рода? Между людьми есть сумасшедшие. Нет ли сумасшедших и между бесами? В известном смысле они и все суть сумасшедшие, подобно как есть сумасшедший всякий грешник. Но, кроме сего, нет ли таких духов, кои, подобно сумасшедшим людям, потеряли свое сознание? Как ужасно должно быть сумасшествие в духе!

26.

Понятия чем ниже и индивидуальнее, тем богаче частными признаками, тем более имеют свою собственную физиономию, свой род жизни; а чем выше и общее, тем беднее признаками и, расширяясь, можно сказать, пустеют. Не то же ли и с людьми? С возвышением по званию человек делается тоже пространнее, ему подчиняется многое, но зато характером, душою, чувством, личностью он пустеет. На языке у него формулы более общие; поступки его тянутся столбовою дорогою, в шестерку; чувства сердца непрестанно подавляются отношениями, приличиями, наконец, избытком.

27.

У некоторых растений прежде появляются плоды, а потом листья; не так ли бывает и с некоторыми людьми? Самые лучшие, общепользные произведения их суть первые; впоследствии они производят одни листья, которые прикрывают их наготу, но не могут питать других. Между тем как у большей части людей бывают прежде листья, потом - цветы, а потом уже плоды, то есть произведения, годные к употреблению.

28.

Детский возраст самый невинный и самый смешливый. Значит, смех не всегда предполагает злость. Бойтесь не столько там, где над вами смеются, сколько там, где о вас, по-видимому, плачут. Самый злой человек в минуты смеха бывает добрее и не так опасен.

29.

Для чего человек существует? Если по действиям машины можно судить о намерении художника, ее произведшего, то, к сожалению, должно сказать, что человек существует, чтобы грешить, ибо человек, взятый в сложности всех людей, ничего столько не делает, как грешит. Таков человек! Но он не машина; поэтому не должно прилагать к нему закона о машинах и их отношения к художникам. Или, если угодно удержать сравнение, человек - машина, но испорченная. Часы испорченные врут и показывают не тот час; но как глупо было бы заключать из сего, что они сделаны художником для того, чтобы Врать и обманывать! О назначении, следовательно, человека должно судить не по действиям его, а по его составу; а состав человеческий говорит о цели его совсем другое - что он создан для добродетели.

30.

Говорят, что лекарства самые действительные те, по приеме коих болезнь ожесточается несколько, чтобы потом ослабеть и пройти. Может быть, лекарства, действующие подобным образом, и пользуют; только я не думаю, чтобы они были самые лучшие для болезни, от коей даются. Признак прямого, действительного врачевства должен быть тот, что оно тотчас утишает боль, производит облегчение, оживляет больного и радуется; так точно и действуют некоторые лекарства; так должно действовать им и всем. Противное неестественно, хотя и может быть иногда полезно. Подтверждение этого замечания мы можем находить в инстинкте. Известно, что инстинкт есть голос природы; известно также, что больные по инстинкту иногда сильно желают чего-нибудь, и удовлетворение (благоразумное) их желанию служит им вместо самого лучшего лекарства. Спрашивается: как действуют эти лекарства? Производят отягчение болезни? Нет, а тотчас сопровождаются сном и облегчают. Вот норма к оценке лекарств.

31.

Греческая Церковь представляет, в сравнении с другими Церквами, некоторую запоздалость, или как бы некоторое полуомертвение, неизбежное следствие ее внешних обстоятельств. С Церквами в сем отношении происходит то же, что со странами: которые лежат под южным солнцем, там давно весна; в иных уже лето, между тем как на севере еще все цепенеет от холода. Зато север любит весною, когда на юге близка осень. В самом деле, не похожи ли некоторые Западные Церкви уже на сад осенний, с коего собраны плоды, и у коего нет уже и достаточной тени от листьев древесных? А Греческая Церковь явно готовится стряхнуть с себя иней и снег, и начать цвести весенним цветом. Всего вероятнее, что Западным Церквам, во время их зимы, придется брать плоды свежие от лета Греческой Церкви.

32.

Нельзя отрицать, что в Церкви Западной более внешнего единства, нежели в Восточной. Последняя, особенно в некоторые века, представляет *membra disjuncta*. Но вот что удивительно, что при таком сосредоточении Церкви Западной она не спаслась от раздробления; между тем как Восточная Церковь, несмотря на внешнюю разрозненность свою, осталась при древнем единстве и избежала раздроблений. Что раздробило Запад? То, что там слишком участвовала сила центроостремительная: сжимаемость усиленная раздробляет тело. Что удержало от разрознения Восток? То, что в нем слабо действовали силы центробежные. Почему слабо? Уже потому, кроме других причин, что в нем мало было действия силы центроостремительной. Кроме сего, счастье всегда разъединяет людей, а несчастье сближает и связует; Запад был счастлив и не тужил в мире с самим собою; Восток страдал и искал единства.

33.

По плоти рождаются мертвые; не рождаются ли и по духу мертвые, то есть не бывает ли и духовных родин таких же несчастных, как и плотских? Мне кажется, бывает.

34.

Что есть наигорчайшего в бедности? Между прочим то, что она делает человека смешным.

35.

Если на Суде Божиим будут испытаны не только дела, но и самые слова и мысли худые, то тем паче не будут забыты слова и мысли добрые. Значит, немало значит то, чтобы при недостатке добрых дел как можно более думать о добром. Трудно ли это?..

36.

«Востанут... лжехристи,.. и дадут знамения велия и чудеса, якоже прельстят, аще возможно, и избранныя» (Мф. 24; 24). Сила сих слов та: много знамений и число чудес будет так велико, что по всем правилам рассудка надобно поверить им, прельститься ими. Почему же избранные не

прельстятся? Потому что они следуют не одному рассудку: у них есть нечто высшее рассудка. Что такое? Совесть, чувство внутреннее и истинно духовное - Дух Сбитый. Беда без рассудка, беда и с рассудком. Один разве дан худой вождь? А сколько людей, кои, кроме своего рассудка, не хотят и слышать о другом вожде! Оттого-то как мало надобно и знамений, чтобы прельстить их, повести за собою, несмотря на рассудок их, как пленных, хоть на край света!

37.

Какое наиощутительнейшее ныне доказательство свободы человека? Его противоборство закону и совести. Тут всякий невольно ощущает в себе действительность (по всей вероятности описка, вместо "двойственность") и вместе возможность поступать так и иначе. Несчастное доказательство, несчастная свобода, несчастный человек!

38.

Неизбежимая невыгода людей, состоящих на вершине общественных должностей, есть одиночество: все ниже них и далеко от них. Вокруг них только барьеры и разные истуканчики - слуги и льстецы. На них - первые лучи солнца; на них первых - град, снег и даже молния.

39.

Отчего не раскаян диавол? Оттого, что он не знает болезни и смерти. Почему не знает? Потому что у него нет тела. Боль дает знать скорее, вернее и сильнее всего, что значит грех.

40.

Говорят, что мы о собственном образе бытия Божия вовсе не знаем ничего. Нет, так нельзя говорить, - знаем нечто. Например, мы знаем и уверены, что Бог знает все будущее. Но эта черта явно не нашего образа бытия, а Божественного. Еще другое отношение: в нас или, лучше сказать, во всех разумных тварях есть двойственность закона с волею. Чувствуешь, что в тебе есть закон не от тебя, а для тебя, что он выше тебя и есть нечто, тебя превосходящее, от тебя независимое. В Боге эта двойственность быть не может; там воля есть сама себе закон. Посему *stat pro ratione voluntas* в отношении к Богу есть чистая истина. Это худо только в отношении к тварям.

41.

В некоторые минуты чувствуешь, что ты существенно состоишь из головы и сердца, что в этих одних местах есть нечто такое, без чего ты быть не можешь.

42.

Изгнание Златоуста есть пример разительный столкновения ревности пастырской с духом мира.

43.

Те, кои не допускают падения духов, человека... (пропуск в рукописи), всей твари, непременно должны допустить два начала: доброе и злое. Ибо в мире ясно видны две струи - светлая и мрачная, и обе параллельны, сколько может видеть их глаз наш.

44.

Какой лучший образ представления Бога?.. Как высочайше свободного. В свободу надобно сводить окончательно все действия Божественные, самый ум, самые идеи. Так и поступает Священное Писание. О, как оно глубже и премудрее наших теорий и систем!

45.

По учению рационалистов, христианская религия есть религия самая лучшая к укреплению человека в добродетели, к воодушевлению его веры упованием. По-моему, они или лгут, обманывают, или сами не понимают того, что говорят. Какое укрепление верованием, если Христос умер и не воскрес? Какая подпора веры, если жизнь такого святейшего Лица, как Сын Марии, окончилась так, как она оканчивается, по мнению Иудеев? В таком случае история Пророка Назаретского есть новое неразрешенное возражение против мироправления Божественного.

Неологи утверждают, что Христос возвращен к жизни попечением друзей Его, и в этом самом, - что Он, будучи распят, мог не умереть и возвратиться опять к жизни, - находят знамение Промысла о Нем, знак любви к Нему Божией. Великий знак любви - не умереть, претерпев все мучения смерти! Скорее, это знак любви дружеской. Важная награда за такой подвиг - остаться в живых, с тем, чтобы потом прожить еще двадцать и тридцать лет во мраке делателя, как то предполагается о Иисусе Христе неологами!.. Нет, господа, этим вы немногих заохотите говорить истину Каиафам и Пилатам.

Мученики умирали не за обмершего и ожившего Христа... (в рукописи написано сплошь, но тут, очевидно, пропуск). Исчезнет все достоинство, вся утешительность веры христианской.

46.

Одна из величайших тайн всемогущества Божия или, другим языком, творческая сила природы проявляется в образе происхождения на свет тварей; посему естествоиспытателям всего более надобно обращать на это внимание. Образы рождения различны; но смерть для всех одинакова.

47.

В болезни обнаруживаются сочувствия членов тех, кои состоят в особенной связи дружества или противоположности. То же бывает в несчастии; тут видно - кто истинный приятель, и кто враг.

48

Река все живое поглощает, а коль скоро поглощенное ею умирает, то извергает на поверхность и выбрасывает на берег. Не так ли поступает и река времени со многими великими людьми? Доколе они живы, она влечет их в глубину неизвестности, пренебрежения, а по смерти представляет взору всех и каждого.

49.

Когда у солнца поворот на зиму, тогда у нас наступает больше жара; а когда поворот на лето, сильные, большие наступают морозы. Не так ли и с судьбою человека? Не тогда ли начинается противный поворот, когда человек находится среди высшего или счастья или несчастья?

50.

Человек самый обыкновенный любит, чтобы верили ему на слово, и обижается знаком недоверия, неохотно опирается на доказательства, хотя не имеет в них недостатка. Как же Творцу не требовать веры от Своей твари? Как не обижаться, когда не хотят... (в рукописи написано: "не хотят Ним и по гласу сделать"... очевидная неправильность; не должно ли исправить: не хотят пред Ним иногда?..) сделать ни одного шага, не высмотрев прежде - куда ведет, и что там будет... (опять написано: "будет - собственно мизами" (?); не должно ли читать: собственными глазами)? Право, мы себя трактуем как богов, а Бога - как нашего какого-либо должника или неприятеля. Отцу и матери верят, друзьям и товарищам верят, великому (конечно, описка, вместо: всякому) не бесчестному человеку верят, а Богу не хотят верить и требуют доказательств!

51.

Спрашивают: "Как Робеспьер, не имея отличных талантов, взошел на самый верх Франции, в самое бурное время ее?" Ответ на сие - в той же буре, которая бушевала над Францией, и в том, что Робеспьер был легче всех других, почему вихрь и поднял его выше всех. В чем эта легкость? В том, что он не имел никаких привязанностей, был самоотвержен, честен, неподкупен, фанатически

стремился к одному и тому же... Еще: давления во время землетрясения нередко поднимают с поверхности, даже со дна моря, горы к облакам, и таким образом, что было внизу, оказывается выше всего, например, раковины. То же и с Робеспьером, и ему подобными. Вулкан революции поднял над всеми их именно? Почему?.. Потому что они находились над тем самым местом, которое взорвал вихрь, то есть своим образом (?) мыслей и внешним положением были у самого сердца революции.

52.

Есть внезапная смерть телесная. Есть внезапная смерть духовная, например, падение денницы.

53.

Болезнь самая смертельная может случиться толчком, через одно прикосновение. А здоровье самое слабое не сообщается ниже посредством многих и сильных ударов. Что значит это? Или смерть важнее жизни? Не может быть. Если так бывает, то потому, что жизнь, как прах, ослабела. А когда она выше, то ложе, одним прикосновением, мгновенно следует смерти отражение, убывает зараза, возвращает здоровье и жизнь (так им написано; но тут списано, по всей вероятности, неправильно, хотя смысл понятен). Пример: прикосновения Спасителя.

54.

Как ни величествен свод небесный, но коль скоро внимательно посмотришь на него, то тотчас чувствуешь, что (это) одна изнанка, а лицо - там!

55.

Есть ли в звездном небе какое-либо правильное расположение? В общей сложности, по-видимому, нет. Все разместилось как будто после какого-либо сотрясения сильного: там сгустилось, инде правильною фигурую, инде как попало. Между тем, совершенно правильные геометрические фигуры в размещении некоторых звезд показывают, что при размещении был не только смысл, но и ум геометрический. Этот отрывок порядка наводит на мысль о порядке в целом. Есть он и теперь, или был? Можно утверждать то и другое. В первом случае надобно говорить, что, с нашей точки зрения, не видно целого, а потому не видно и порядка. В последнем случае, - основываясь на том, что видели на деле, как оно есть.

56.

Грех берет человека или силою, не давая ему опомниться, как гнев, - или хитростью, как прочие пороки.

57.

Можно ли возратить невинность телесную? Нельзя. А невинность духовную и нравственную? Должно быть, также нельзя. А говорят, можно! Так ли, и почему так, если так?

58.

Бога боюсь, и - никого не боюсь. Бога не боюсь, и - всего и всех боюсь.

59.

Бог сотворил мир - по какому образу? У Бога нет другого образа, кроме собственного. Если так, то мир сотворен по образу Божию; следовательно, должен отражать в себе всю Троицу. И точно, *in toto mundo lucet trinitas*, как сказал еще древнейший языческий философ. Какая Троица? Та Самая, Коей учит христианство. Везде видно Отчество; везде слышно Слово; все дышит Духом, и везде веет Дух.

60.

Бог говорит: «смертию умрете» (Быт. 2; 17), диавол- противное. Богу не верить, а диаволу верить, поверить в рай, верить и теперь, - это абсурд. Но таков грех, он всегда есть род помешательства.

61.

В мире диавольском нет смерти, - но лучше ли? Там нет и покаяния.

62.

Разбойнику, на кресте кающемся, сказано: «днесь со Мною будеши в раи» (Лк.23;43). Однако же, после такого успокоительного изречения ему перебиты голени. Знак, что наказания не отпускаются и после прощения. Почему? По их, вероятно, нравственной нужде для наказуемого.

63.

Крайность в пороке может быть полезна для добродетели; тут видна становится вся неестественность порока, и он делается тяжелым для души и невыносимым. Если когда, то в минуту крайности греха может быть поворот назад, в область добродетели.

64.

Есть внутри нас закон нравственный и свобода; следовательно, есть вне нас Бог и бессмертие. Это сущность метафизики и нравственности.

65.

Грамматика, особенно глагол, могут быть рассматриваемы как вывеска свободы и духовности души. Может ли вещество сказать: ступай, делай то или то!.. Сослагательное наклонение все дышит умом и свободой. Прошедшее и будущее времена - знак современности души, то, что она не заключена в настоящем.

66.

«Тогда не постыжуся, вегда призрети ми на вся заповеди Твоя» (Пс. 118; 6)

Подлинно, человек тогда только может быть приятен Богу, когда он добродетелен истинно, а истинно добродетелен он тогда, когда добродетелен весь, всегда и во всем.

Но когда же будет это возжеленное "тогда"? Где взять такой добродетели?.. Хорошо, по крайней мере, если человек хотя призирает на вся заповеди, чувствует себя обязанным ко всякому благому делу, прилагает старание быть непорочным во всех отношениях, не почитает для себя дозволенным ничего, противного закону; хорошо и это! А прочее, многое еще, очень многое, соделает Сам Господь и Его благодать всемогущая - для тех, которые призирают? неуклонно смотрят на все заповеди Его.

67.

«Окованным сердцем в мудрости» (Пс. 89; 12)

Быть окованным в мудрости, по-видимому, очень хорошо: оправа прекрасная! Но быть окованным сердцем - это ужасно, с первого взгляда. И однако же есть люди - «окованным сердцем в мудрости!» Кто это? Те, кои, погнавшись за мудростью и познаниями, потеряли из виду любовь; кои холодным познаниям, сухим теориям, отвлеченным словопрениям дали охладить свое чувство, иссушить свое сердце. Посмотрите на иного мудреца!.. У него бездна познаний; он весь в соображениях, что шаг, то цель и план. А сердце!.. Бедное сердце заключено в этой мудрости, как в темнице; кругом оковано расчетами, не смеет пошевелиться для милости и сострадания.

Такая окованность сердца есть почти неизбежная доля мудрствующих по стихиям мира, ибо земная мудрость по природе - железного (сидерического) свойства. Мудрость небесная, напротив, дает движение и пространство сердцу, потому что она по природе своей исполнена «милости и плодов благих» (Иак. 3; 17).

68.

«В сердца моем скрых словеса Твоя, яко да не согрешу Тебе» (Пс. 118; 11)

Вот куда надобно класть Библию тому, кто, при помощи ее, хочет избавиться от проклятой привычки грешить! На каком бы почетном месте она ни была постановлена, все стоит еще не на своем месте, покада не будет сокрыта в сердце. Эту истину надобно заметить особенно тем, кои любят Библию в богатых оправках, за золотыми рамами.

Как сокрывать Библию в сердце?.. Прилежным чтением ее, прилежным размышлением о ней и ее содержании, прилежным, наконец, выполнением того, что в ней написано.

69.

«Расточи гордыя мыслию сердца их» (Лк. 1; 51)

Вот средство у премудрости Божией к наказанию гордых! Для сего не нужно никаких усилий, никаких особенных мер; довольно одной мысли - их же собственного сердца. «Расточи... мыслию сердца их» . Как мысль расточает гордых? Весьма естественно и вместе необходимо. У смиренного сердца как глубокий кладезь, в коем вода стоит тихо, зыблясь от веяния благодати Божией, отражая в себе полный лик духовного солнца и источая из себя токи благих мыслей и дел. А у гордого сердце как гордый кипучий родник, который, падая с утеса на утес, разлетается непрестанно в брызгах. Разлетаясь сами, мысли гордых расточают их самих. Увлекаясь то тем, то другим высокомерным замыслом, гордый непрестанно, так сказать, раздробляется на части, расточает напрасно свои силы, способности и самое время. Покушаясь на многое, превыше сил, он нередко падает и разбивается. Еще сильнее действует сей закон расточения в приложении ко многим гордым. Им никак нельзя ужиться вместе. Мысли сердца их идут наперекор одна другой, и заставляют их не терпеть друг друга. «Расточи гордыя мыслию сердца их».

70.

«И молиша Его много, да не пошет их вне страны. Бе же ту при горе стадо свиное велие пасомо. И молиша Его вси беси, глаголюще: поели ны во свиния, да в ня внидем» (Мк. 5; 10-12)

Какая ужасно жалкая молитва! Просить, как особенной милости, позволения войти на пребывание во стадо свиней; может ли быть участь презреннее? И кто просит такой жалкой милости? Бесплотные духи, кои обитали некогда на небе, обладали величайшею силою и властью, выну блаженствовали во свете Лица Божия.

Вот что значит грех! Ибо грех свергнул сатану и ангелов его с неба; грех сделал их столь несчастными, что позволение войти в стадо свиней составляет для них великую милость.

В одном ли мире духов грех производит такое ужасное превращение? Нет, везде, где только может появиться хотя тень греха. С намерением говорим: тень греха. В мире вещественном, среди творений неразумных, нет греха в собственном его виде, поелику нет и свободы; но и здесь может быть тень греха: уклонение от лучших законов бытия к менее совершенным. Ибо каждая тварь может со всею точностью следовать образцовой форме своей породы, может и уклоняться от нее, не достигая, так сказать, своего предназначения вполне. Это самое мы называем тенью греха.

Что же производит сия тень?

Всегда сопровождается несовершенством, безобразием, слабостью, брэнностью. Возьмите кристалл с неправильными гранями, с незаконным, так сказать, изломом; в нем нет надлежащей чистоты и блеска; он ломок и малоценен. Посмотрите на растение, уклоняющееся от образца своей породы; оно мало росло, криво, безобразно; менее приносит плодов, живет не так долго. Обратите внимание на животных, произошедших от неестественного смешения пород: они бывают также малорослы, слабы и неспособны к продолжению своего рода.

Производя таким образом безобразие и разрушение на обоих концах мироздания - в мире духов и в мире вещественном - грех с особенною свирепостью обнаруживает ядовитую силу свою в средоточии творения, где стоит человек. Как существо, связующее между собою видимое и телесное с невидимым и духовным, как сокращение всего сотворенного, человек, по тому самому, способен и к самому высшему блаженству, и к самому большому несчастью. Посему грех никого так не губит, как человека. И в мире вещественном, и в мире духовном грех произвел смерть; но в первом одну телесную, в последнем одну духовную; в человеке грех произвел смерть сугубую, телесную и духов-

ную. В самом аде будет едва ли не отраднее злomu духу, нежели нераскаянному грешнику, ибо дух будет мучиться одним духом, а грешный человек - духом и телом.

Итак, человек, бойся более всего греха: это первый и последний враг твой!

71.

«Отчасти... понимаем» (1 Кор. 13; 9)

Так уже восемнадцать веков провозглашает вера, а бедный разум доселе не слышит сего, и нередко кричит, что вера несовместна с разумом. Нет, вера понимает так же, как и разум, понимает еще лучше разума то, что понимает, только понимает отчасти. А разум, который все берется разуместь и истолковать, разве все и совершенно разумеет? Круг познаний, как и шар земной, не имеет ли своих, недоступных исследованию, полюсов? На самой середине познаний, как под экватором, нет ли земель, куда еще не ступала нога ни одного мыслителя?.., отчасти - есть удел всех наших познаний, удел неизбежный не только для земного бытия, а, по всей вероятности, и для вечного. Всеведущ един Бог.

Напротив, если сравнить отчасти понимаем веры с отчасти понимаем разума, то последнее во многих, отношениях окажется теснее и беднее первого. Для совершенного убеждения в сем, стоит только взять одно простое оглавление предметов, входящих в состав вероучения христианского, и предметов, над коими трудится философия; сличив одно с другим, вы увидите, что круг вероучения гораздо обширнее круга философии, что первое обнимает много таких, весьма важных, сторон бытия человека и вещей, до коих философия не доходит и дойти не может.

72.

«Аще земная рекох вам, и не веруете: како, аще реку вам небесная, уверуете?» (Ин. 3; 12)

Значит, небесное очень, очень непохоже на земное! Непохоже до того, что хотя бы оно было открыто, и притом таким пренебесным Лицом, Каков был Иисус Христос, и тогда бы не нашло себе веры между нами!..

Отчего так?.. От крайней отдаленности предметов небесных от всего земного. Астрономия сказывает нам, что и вещественное небо, хотя оно подлeжит даже чувственному взору нашему, устроено, однако же, по другим законам, нежели какие в силе, большею частью, у нас, на земле; кольми паче должно быть многое и многое инаково, нежели у нас, на небе духовном.

Вообще, чем выше образ бытия, тем он противоположнее образу бытия самому низшему; это мы видим на всей лестнице существ, кои под нами. Но наш настоящий образ бытия в отношении к миру духовному явно есть первая ступень. Удивительно ли же, если он не только отменен, даже противоположен образу бытия небесного?

А находясь в состоянии противоположности небесному, удивительно ли, если мы не можем понимать последнего?

И вот, без сомнения, одна из главных причин, почему Священное Писание так немного говорит нам о тайнах века грядущего, о состоянии нашем по смерти/

Как говорить о том, для чего в нашем уме нет понятий, а в нашем языке - слов? Опыт святого Павла, который был восхищен в рай, прекрасно поясняет сию важную истину. В раю апостол видел и слышал многое, чего никак нельзя видеть и слышать на земле. Некое понятие о виденном и слышанном осталось в нем и по возвращении на землю. Но что же? Он не находил на языке человеческого слов к пересказанию того, что видел и слышал. Даже не мог наверное сказать (ибо не знал наверное), в теле ли он был тогда, когда находился в раю, или вне тела? Так все виденное и слышанное им на небе было непохоже на все наше земное! Так самое состояние его в это время было отменно от всех наших и обыкновенных, и самых необыкновенных состояний!

Что из сего? То, во-первых, чтобы не судить о небесном по земному. Большею частью того, что мы здесь видим, слышим, чем занимаемся, - там вовсе не место; а напротив, там именно место тому, яже «око не виде, и ухо не слыша, и яже на сердце человеку не взыдоша» (1 Кор. 2; 9).

Во-вторых, не будем скучать тем, что не открыты нам подробности будущего нашего состояния за гробом. Напротив, это должно радовать и утешать нас, потому что так поступлено именно по причине величия сего состояния и крайней возвышенности его пред состоянием нашим настоящим.

В-третьих, не будем прилепляться много к настоящему нашему земному образу бытия, потому что он не только дан на время, и притом весьма краткое, но и во многом противоположен нашему образу бытия будущему, так что прилепившийся к нему, по тому самому, не скоро и не удобно может

сродниться с образом бытия высшим. Напротив, будем, по возможности, заранее отрешаться от всех земных и плотских связей, и возноситься к образу бытия высшего, коего главные черты указаны нам в слове Божиим, и коего образец оставили нам в себе святые Божий человеки. Сего требует собственное вечное благо наше.

73.

«Отметаясь Сына, ни Отца иметь: а исповедали Сына, и Отца иметь» (1 Ин.2;23)

Некоторые (и мало ли таких?), отметаясь Сына, думают, однако же, иметь Отца: некоторые даже (так, по крайней мере, говорят они) для того и отмечают Сына, чтобы иметь Отца. Да ведают же таковые все, что это невозможно, решительно невозможно: «отметаясь Сына», по тому самому - «ни Отца иметь!».

Хочется знать: почему так? Потому, что «никтоже знает... Отца... токмо Сын, и ему же аще волит Сын открыти» (Мф. 11; 27); но как Он откроет Отца тому, кто отмечает Его Самого?.. Потому что «никтоже может прийти ко» Отцу, токмо Сыном (Ин. 6; 44); но как Сын поведет чрез Себя к Отцу, когда убегают от Него Самого?.. Потому, наконец, что Сын «и Отец» суть «едино» ! (Ин. 10; 30).

Как же после сего жалка участь тех, кои всю жизнь проводят над тем, чтобы познать Отца без Сына!.. И не подобно ли это тому, как если бы кто усиливался познать солнце без лучей его, гром - без звука, им производимого, ветер - без движения воздуха?

76.

«Всегда радуйтесь» (1 Фес. 5; 16)

Значит, оптимизм, или что "все - к лучшему", не мечта. Иначе, как бы можно было всегда радоваться? Радость есть чувство произвольное; когда человеку хорошо, то он, и без позволения, самодоволен и весел; а когда кому худо, то сколько бы ни приглашали его радоваться, не зарадуешься.

И действительно, святой Павел, прежде нежели сказал: «всегда радуйтесь», давно уже изрек, что верующим в «Бога вся спешествуют во благое» (Рим. 8; 28). После сего очень понятно, как можно всегда радоваться; даже непонятно, как бы после сего можно было не всегда радоваться, ибо если верующим все «спешествует во благое», а благое, по самому существу своему, таково, что вся и всегда может радовать, то в таком случае печалиться, особенно безотрадно, свойственно только тому, кто не верует в Бога. Но желательно знать, на чем опираясь проповедуют оптимизм те, кои проповедуют его без веры в Бога и Ходатая Бога и человеков, без Коего вера в Бога не столько радуется, сколько страшит человека-грешника? В таком случае скорее надобно сказать наоборот, вместо: «всегда радуйтесь» - всегда скорбите! Ибо посмотрите на себя и вокруг себя беспристрастно: много ли причин ко всегдашней радости? Соломон умел находить источники радости; он особенно трудился над открытием и умножением их: что же? На дне всякой радости он находил - «суету и сокрушение духа!». (Еккл. 1; 2. Ис. 65; 14). Без Бога и Единородного Сына Его, Спасителя человеков, нет радости для человеков. «Всегда» радоваться может и должен только один истинный христианин.

74.

«Велика вещь человек» (Притч. 20; 6)

Так велика, что Сам великий Ценитель и Судья всяческих ставил ее выше всех вещей в мире. «Кая бо польза человеку, - говорит Он, - аще мир весь приобретает, душу же свою отщепит?» (Мф. 16; 26).

«Велика вещь человек», потому что сия вещь произошла от Величайшего, вследствие Великого Совета, и стоила немало. «И рече Бог: сотворим человека» (Быт. 1; 26). «И созда Бог человека, персть (взем) от земли, и вдуну в лице его дыхание жизни» (Быт. 2; 7).

«Велика вещь человек», потому что сия вещь имеет величайшее значение и чрезвычайно много заключает в себе. «И сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его» (Быт. 1; 27).

«Велика вещь человек», потому что предназначена для великих целей. «И благослови... Бог» (человека), «глаголя: растите и множитесь, и наполните землю, и господствуйте ею» (Быт. 1; 28). «И взя... Бог человека, егоже созда, и введе его в рай сладости, делати его и хранити» (Быт. 2; 15).

«Велика вещь человек», потому что и падение этой вещи превратило и опрокинуло за собою все. «Вемы бо, яко вся тварь (с нами) совоздыхает и сболезнует даже донныне. Суете бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю» (человека) (Рим. 8; 22, 20).

А как ценится сия великая вещь у самих человекoв? Чему не подчиняется? На что не меняется?

Человек подобен сыну и наследнику великого царя, который, находясь с малолетства в изгнании, забыл о своем великом происхождении и столь же великом предназначении. Посему первый и последний урок человеку должен быть: познай самого себя!

76.

«Открой очи мои, и уразумею чудеса от закона Твоего» (Пс. 118; 18)

Какие очи? Без сомнения, не чувственные, а духовные, очи ума, и еще более - очи сердца, просвещения коих светом благодати так усердно желал некогда апостол Павел своим возлюбленным ученикам Ефесским (Еф. 1; 18). В естественном падшем состоянии человека очи сии закрыты, как у слепорожденных, а ими-то одними и можно видеть «чудеса закона» Божия. «Чудеса», а не смысл обыкновенный закона; последний видим и очами разума естественного. Но закон Божий имеет не только смысл, подобно законам человеческим, но и чудеса, как произведение премудрости Божественной. В сем отношении откровение Божие подобно видимой природе: порядок, величие, красота видны в ней и для слабого глаза; но чтоб видеть внутренний состав вселенной, для сего потребно прозрение под поверхность вещей, - глаз особенный.

Обыкновенным ведением закона святой Давид давно обладал, но вместе с тем видел, что в законе Божиим сокрывается стократ более, нежели он видит, и что для уразумения последнего тех очей, коими он видел, недостаточно; и вот он молит Самого Законодателя открыть ему очи, дабы видеть уже не смысл, а самые чудеса закона Божия, то, что в нем есть превосходящего наш разум. Не следствием ли открытия сих очей в Давиде был псалом 118, где так разительно и подробно описываются совершенства закона Божия?.. А может быть, следствием сего был не псалом, а безмолвие: пред чудесами не разговоришься...

77.

«Отец Мой доселе делает, и Аз делаю» (Ин. 5; 17)

Как же сказано у Моисея: «и почи в день сеемый от всех дел Своих, яже сотвори» (Быт. 2; 2). Ужели шестидневное творение было неполное, так что после некоторого успокоения опять надлежало приниматься за дело и продолжать его, или доканчивать? Нет, тогда было сделано все, что нужно, и все сделанное было весьма хорошо, как показывает отзыв о деле Самого Великого Делателя; посему и покой Божий был всецелый и продолжался бы всегда, если бы не открылось нужды в новом творении. Кто открыл сию нужду? Ты, человек. Как? Твоим падением и превращением чрез него всех вещей.

С тех пор, как ты пал с высоты богоподобия и убился до смерти, Отец и Сын доселе снова делают, и будут делать дотолле, пока ты не воскреснешь и не восстанешь, не начнешь жить всюю полнотою первобытной жизни, не станешь паки на свое место, и чрез тебя не восстановятся и не возглавятся и все прочие твари. Делание в то время, когда бы предлежало только покоиться, само по себе есть состояние не вожденное; но человек, нарушив покой Божий и заставив любовь Творца своего снова действовать и, так сказать, трудиться, не только не облегчает собою этого труда, но всемерно отягчает, ожесточает, преогорчает его, так что само долготерпение Божие принуждено иногда бывает жаловаться на труд, даемый Ему человеками (Ис. 7; 13).

Теперь, если есть где-нибудь некое место успокоения для творческой деятельности, то в душах людей праведных. «Сей покой Мой...» - говорит Сам Бог, - «зде вселюся» (Пс. 131; 14). В сем-то разуме и Святая Церковь, устами священнослужителей своих, возглашает: "Един свят и во святых почивай!". Выражение глубокое и премного знаменательное! Если же во всем мире теперь один только ты, человек, можешь доставлять успокоение Творцу своему, то познай свое преимущество и не упускай драгоценного случая послужить ныне своему Господу, дабы иметь участие и в той Субботе Божественной, которая последует за новым творением.

58.

«Аще исповедаем грехи наша, верен есть и праведен, да оставит нам грехи наша и очистит нас от всякия неправды» (1 Ин. 1;9)

Какая необыкновенная логика! Верен и праведен; потому и оставит нам все грехи, коль скоро мы исповедаемся в них и признаем себя виновными! Но так действовать прилично одному милосердию; а правды неотъемлемое свойство - судить, осуждать виновных и наказывать. Каким же образом тут

Божественная правда забыла, так сказать, свою природу и обратилась в милосердие? Следующим: Сын Божий, Существо чистейшее и всесовершеннейшее, по любви к падшему роду человеческому, принял на Себя все грехи человек, и страданиями и смертью Своею удовлетворил за них правосудию Божественному во всей полноте и силе, на том условии, чтобы те, кои обращаются от пути злого и неправд своих, и будут просить помилования во имя Его, всегда и невозбранно получали оное. Премилосердый завет сей в пользу падшего человечества и всех грешников принят и утвержден на всю вечность самую правдою Божиею. После сего каждый раз, когда грешник раскаивается и просит помилования, не только милосердие Божие, всегда и без того стоявшее за несчастных грешников, но самая правда Божественная, по самой природе своей стоявшая некогда против нас, требует, чтобы грешнику подаваемо было прощение. Иначе, со стороны Самого Судии Небесного не было бы соблюдено верности тому завету и договору, который принят, одобрен и утвержден Им самим; иначе правосудие Божественное перестало бы быть правосудным... Итак, вот откуда эта необыкновенная логика! С Голгофы!..

79.

«Упованием... спасохомся» (Рим. 8; 24)

Точно, упованием; ибо чем другим? Наше прошедшее ужасно мрачно! Наше настоящее удивительно худо и бедно! Посему если есть спасение, то в будущем; но кто поручится и за будущее? Если судить по прошедшему и настоящему, то скорее надобно отчаиваться и за будущее, потому что будущее есть следствие прошедшего и настоящего. Только во свете откровения может представляться светлым и отрадным само будущее, - и представляется!

Не может быть ничего величественнее тех видов, в коих Божественное откровение изображает наше будущее; тут многое выходит за пределы не только нашего опыта, даже понятия: «ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша» то, по свидетельству слова Божия, «яже уготова Бог любящим Его» (1 Кор. 2; 9).

80.

«Во всем и во всех навыкох, и насыщати и алкати, и избыточествовати и лишати» (Флп. 4; 12)

Вот истинная мера полного совершенства! Для сего надобно уметь не только избыточествовать, но и лишаться, - не только лишаться, но и избыточествовать. Умение лишаться значит много, очень много, но далеко не все. Как немало таких, кои, умев лишаться, не умеют потом избыточествовать! А последнее и теперь бывает нередко так же нужно, как и первое, а впоследствии составит единственную необходимость, ибо человек ведется к тому состоянию, в коем не будет никаких лишений, и где посему надобно будет только уметь избыточествовать.

Как приобретается это великое умение?.. Бесстрашием. А бесстрашие?.. Самоотвержением. А самоотвержение?.. Самопознанием. А самопознание?.. Самозанятием и самоуглублением.

Умение избыточествовать, подобно умению лишаться, есть качество и принадлежность души; но, усиленное постоянным навыком, оно, чудным образом, сообщается самому телу. Из жизнеописаний великих подвижников видно, что самая плоть их умела не только лишаться, но избыточествовать, по воле их духа; так что они, например, вдруг после самого строгого поста и величайших лишений, могли, когда это было нужно, позволять себе безвредно вкушение самых разнообразных яств.

81.

«Грядый принеси, и книги, паче же кожанья» (2 Тим. 4; 13)

Кто пишет таким образом к другу своему и дает ему такое поручение?

Ученик, занимающийся науками, и потому чтением книг? Или наставник, преподающий науки, и для сего имеющий нужду в книгах? Или, по крайней мере, человек, который имеет много свободного времени и хочет употребить его на чтение книг? Нет, это пишет апостол Павел, - пишет к апостолу Тимофею! Пишет из темницы! Пишет в твердой уверенности, что час «отшествия» его настал (2 Тим. 4; 6), и он уже как жертва близок к жертвеннику!

Что это за драгоценные книги, кои могли занимать собою такого человека, в таком месте, в такое время? Без сомнения, первое место занимали между сими книгами Священные Писания Ветхого и Нового Завета; но с другой стороны, выражение: «книги, паче же кожанья», само собою приводит к мысли, что между сими избранными книгами, кои Павел хочет видеть перед смертью и, так сказать,

проститься с ними, были не одни книги Ветхого Завета, а и другие - какие именно? Церковь ветхозаветная, под конец существования своего, имела уже, кроме священного кодекса богодухновенных, немалое число и других книг, написанных священными мужами. Книги сии не могли быть чужды апостолу, который, до обращения в христианство, прошел все степени образования Иерусалимского, слушая уроки мудрости из уст самого лучшего из учителей закона Гамалиила. Кроме сего, если судить по некоторым местам посланий Павловых, в его святых руках бывали и другие книги, написанные писателями и неиудейскими.

Для нас довольно здесь заметить, что такое внимание на книги обращает сам апостол Павел!

Для чего довольно?.. Дабы показать, что чтение не грех, что занятие полезными книгами не противно даже апостольскому достоинству, что обхождение с сими мертвыми наставниками не казалось бесполезным даже для того, кто сам был живым наставником для всей вселенной. Довольно сего.

82.

«На всяко время очи злых приемлют злая: добрии же безмолвствуют присно» (Притч. 15; 15)

Первое нисколько не удивительно, ибо так как мир весь лежит во зле, то стоит только, так сказать, открыть окно, чтобы зло тотчас полилось со всех сторон в душу: очи злых, пред всеми прочими чувствами их, суть отверстые окна для зла; мудрено ли, что они «на всяко время... приемлют злая»?

Но как «добрии... безмолвствуют присно?» , безмолвствуют, когда вокруг них все мятется? Когда сами они нередко должны участвовать, более или менее, в молве житейской? Добрый как море: оно сильно волнуется, иногда как бы стонет и испускает вопли, но все это на поверхности; несколько сажень вглубь, и море, как уверяют естествоиспытатели, стоит недвижимо в самую сильную бурю. Таков и праведник: несмотря на внешнее движение и страдания человека своего внешнего, он внутренне безмолвствует «присно. Закон Бога его в сердце его: и не запнуты стопы его» (Пс.36; 31). В нем «мир Божий, превосходяй всяк ум» (Флп.4; 7).

83.

«Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин» (Мф. 10; 37)

Так мог сказать только Бог, или Богочеловек. В отношении ко всем другим существам, как бы они ни были велики, могущественны и благодетельны, такое требование было бы не по ним, превыше их и неприлично им. Но в отношении к Богу такое требование совершенно справедливо и необходимо. Справедливо: ибо Отец Небесный первее и выше всех отцов и матерей земных. Последние сами должны любить Его паче всего, и следовательно, сами же должны требовать от детей своих, чтобы и они любили Его паче всего, и следовательно, паче них. Необходимо: ибо если человек не будет любить Бога паче отца и матери, то у него земной отец и мать будут выше Бога, что совершенно противозаконно.

Но сей же самой любви, какая подобает единому Богу, и в той же самой степени, требует от нас, и требует непременно, Иисус Христос, ибо Он есть Бог истинный и вера в Него, как истинного Бога, есть необходимая обязанность каждого.

84.

«Бог премудростию основа землю... в чувстве Его бездны разверзошася» (Притч. 3; 19-20)

При взгляде на разные стороны и силы природы приходят в движение и деятельность разные стороны и силы нашего духа: при иных - тотчас пробуждается ум и начинает работать воображение самого небогатого мышлением человека; а при иных - в наименее чувствительном возбуждается чувство, а мысль устраняется, даже подавляется.

Так бывает со зрителем природы, очевидно потому, что так устроена сама зримая природа; а почему такова природа, что иною стороною своею возбуждает ум, иною чувство? Глубокий ответ на сие дает в выше приведенных словах Премудрый. По его чистой и святой метафизике в самой природе иное (как небеса с их строгим математическим распорядком) произошло преимущественно под влиянием премудрости Божественной, другое (как бездны вод с их непрестанною движимостью и неопределенностью форм) под особенным влиянием чувства Божественного.

В одном человеке, яко образе Божиим, отразилась вся совокупность свойств Божественных, весь Творец.

Итак, человек, познай свое высокое достоинство, и будь тем, для чего был предназначен.

85.

«Явился Сын Божий, да разрушит дела диаволя» (1 Ин. 3; 8)

Какие дела? Те ли, кои учинены диаволом уже по сотворении человека, и коих сущность состоит в погублении человека? Или и те, кои произведены диаволом до сотворения человека и, может быть, всего видимого мира, в круге вещей высшем, в собственной его области? Первее всего, без сомнения, первые, ибо Сын Божий для того явился разрушить дела диаволя, чтобы спасти чрез то человека, им погубленного. Но, конечно, спасительное разрушение дел диаволя прострется за сим и на прочие ужасные плоды его несчастной деятельности, ибо в мире все связано так, чтобы от того не страдало совершенство целого. Одно только дело диаволя останется неразрушенным, то, что он себя из архангела света сделал архистратигом, и увлек в ту же бездну зла других духов. За то он сам, как неисцельное зло, будет со всеми клеветами изгнан вон из вселенной, исключен из круга вещей, составит особенность, ни к чему не принадлежащую и ничего собою не составляющую.

Но дела диаволя не таковы ли по своей натуре, что разрушают сами себя? Для чего же нужен такой великий разрушитель? Для того, что надобно было не только разрушить сии ужасные дела, но и воздвигнуть на место их паки дела Божий. Диавол падением своим возмутил порядок вещей, превратил все, что мог, но сущность превращенного осталась неизменною. Из сего нового хаоса паки может быть воздвигнут прекрасный Божий мир. И вот для сей-то великой цели является Сын Божий. Тот, Кем все сотворено, является и для воссоздания всего.

86.

«Тело... не блужению, но Господеви, и Господь телу» (1 Кор. 6; 13)

Апостол Христов желает отвратить Коринфских учеников своих от плотских пороков, к коим так склонна падшая природа наша, и кои с такою неимоверною силою свирепствовали в древнем мире языческом, несмотря на его возвышенную, по-видимому, образованность, и для сего указывает в сих словах на цель существования нашего человеческого тела. Чувственный человек смотрит на свое тело именно как на орудие чувственных, плотских наслаждений, и в сем поставляет цель его бытия; апостол внушает другое, говорит, что тело наше, хотя плотское, имеет цель не плотскую, а духовную, высокую, святую, некоторым образом - божественную; что оно предназначено окончательно не только для каких-либо плотских, преступных наслаждений, но вообще не для наших наслаждений, даже не для одного нашего духа, а для Виновника всяческих — Бога. «Тело... Господеви», — уже этого одного достаточно было бы, дабы вселить уважение к телу, заставить обращаться с ним, как с сосудом благодати, как с храмом Божества; но апостол сим не довольствуется, открывает достоинство тела человеческого еще, с другой, высшей стороны, такой, которая выходит даже за пределы нашего постижения; он говорит, что «и Господь» (Сам Господь) «телу», то есть как тело принадлежит, подобно некоей собственности, Господу, так и Господь благоволит принадлежать телу, как Глава, как жизнь и свет человечества, Ему верно.

Сколько мыслей рождается при сем выражении таких, кои нельзя изобразить языком человеческим!.. И каждая из них должна служить побуждением блюсти свое тело в чистоте и святости.

87.

«О велице и о мале не неразумевай» (Сир. 5; 18)

Почему и о мале? Потому что и великое слгаается из малого; потому что самые огромные события начинаются, большею частью, с самых малых вещей; потому что не привыкший обращать внимания и на малое, скоро привыкает пропускать без внимания и большое.

«Не неразумевай», то есть не отпускай вовсе из внимания, а не то, чтобы привязываться к малому и дорожить им как великим. В последнем случае выходит другая крайность: задумываются над всякою малостью, как бы от нее зависело все, и чрез то самое не имеют времени обратить надлежащего внимания на большее, на то, что действительно того заслуживает.

Каждому свое: большему большее внимание, меньшему - меньшее; но непременно каждому свое; вот чего хочет от нас Премудрый.

88.

«Брашна чреву, и чрево брашном: Бог же и сие и сия упразднит» (1Кор. 6; 13)

Когда упразднит? Без сомнения тогда, когда будет упраздниться все ветхое - и ветхий мир, и ветхий человек.

«Брашна чреву, и чрево брашном» не будет - значит, будущее состояние восстановления человека будет еще выше его состояния в земном раю, ибо здесь заповедано: «от всякого дерева, еже в рай, снедию снеси» (Быт. 2; 16), следовательно, «брашна» были «чреву и чрево брашном», а там, в будущем состоянии, не будет ни того, ни другого.

С другой стороны, как чрево для брашен и брашно для чрева упразднятся, когда и на новой земле, под новым небом, побеждающим обещано вкушение «от дерева животного» (Откр. 2; 1) и «манны сокровенная?» (Откр. 2; 17).

Это дерево животное, сия манна сокровенная есть, без сомнения, не другое что, как то «брашно пребывающее в живот вечный» (Ин. 6; 27), которое и Сам Спаситель, еще быв на земли, обещал верующим; но сие пренебесное брашно есть - Он Сам!.. Для вкушения сего Божественного Брашна - не чрево, а душа чистая и святая.

Чрево для брашен и брашно для чрева упразднятся!.. Что же будет с теми, для коих, по выражению апостола, «чрево» есть «бог»? Что будет с низкими поклонниками студного кумира, когда сам кумир распадется в прах? Да помыслят они, в свободный час, о сем сами!.. Или пусть справятся в Послании апостольском; там ясно указан ужасный конец тех, «имже бог чрево», и ихже «слава в студе» (Флп. 3; 19).

89.

Гнев «и ярость умаляют дни» (Сир. 30; 26)

Хотя бы эта опасность и страх за свою жизнь и здоровье обуздывали людей гневливых и удерживали от припадков ярости! Ибо малая ли опасность? Напрасный ли страх? Сколько людей, коим порыв гнева стоил жизни, коих он убил мгновенно, в цвете лет и сил, среди предприятий и надежд? Над другими гнев хотя не разражается так губительно, зато всегда расстраивает их здоровье и сокращает жизнь. Иначе и быть не может, по самому существу гнева.

Сотрясая все жизненные стихии тела, возмущая и даже останавливая на время все отправления душевные и телесные, приводя в состояние кипения и разливая по всему телу желчь, гнев, по тому самому неизбежно расстраивает весь телесный состав, неотразимо портит кровь и соки. Опустошение, им производимое, можно даже видеть и осязать. Посмотрите на себя в минуту сильного гнева в зеркало: вы ужаснетесь собственного вида; так он свиреп, багров, отвратителен! Приложите в это время руку к сердцу: оно бьется, как молото наковальню. Такое кипение крови, такое сотрясение нервов, такое разлитие желчи может ли не действовать губительно на жизнь и здоровье? Оттого гневливые обыкновенно сухи, желты, как бы испечены в огне.

Итак, если не ради другого чего, то ради собственного здоровья каждый должен быть как можно свободнее от гнева, потому что и однократный, сильный гнев, как видно из многих примеров, может убить гневающегося - до смерти.